

Стояли дни начала осени, но погода всё ещё оставалась жаркой. В вечерних сумерках небо окрасилось в тёплые оранжевые тона.

Ся Сюаньлань выглядел измождённым, словно только что пережил нечто смертельно опасное. Он привёл с собой десятилетнего мальчика. Тот шёл, опустив голову, и пугливо поглядывал по сторонам — в его глазах застыл немой ужас.

Ся Сюаньлань позвал сына:

— Ся Нин, иди сюда. Это Дун Сюань, он младше тебя на полгода. Отныне он будет твоим братом. И хотя вы не родные по крови, относись к нему даже лучше, чем к родному.

Дун Сюань настороженно повёл головой. Он не стал смотреть Ся Сюаньланю в лицо, лишь искоса глянул в ту сторону, крепко сжав кулаки. Эти слова задели его за живое. Не родные по крови, но относиться лучше, чем к родному — такое можно сказать, только если испытываешь глубокое чувство вины.

Ся Нин, который был на полголовы выше Дун Сюаня, радостно замер перед ним. Он упёрся руками в колени и, склонив голову, с любопытством заглянул гостю в лицо.

Ся Сюаньлань слегка нахмурился и добавил в голосе строгости:

— Ся Нин, ты слышал, что я сказал?

— Слышал, слышал! — Ся Нин широко улыбнулся, продолжая разглядывать Дун Сюаня. — Какой красивый! Теперь у меня будет младший брат!

Услышав имя мальчика, Дун Сюань вздрогнул. Он посмотрел на Ся Сюаньланя пустым взглядом, и голос его дрогнул:

— Твоего сына зовут Ся Нин. Это как-то связано с тем, что моего папу звали Дун Нин?

Ся Сюаньлань замер. Как десятилетний ребёнок может быть настолько пронизательным? По дороге домой Дун Сюань молчал, глядя в окно. Кто знает, о чём он думал — просто витал в облаках или размышлял о вещах, непосильных для его возраста?

— Да, связано, — Ся Сюаньлань не хотел лгать, даже ребёнку. — В моём имени есть иероглиф Сюань, поэтому тебя называли Дун Сюань. В имени Дун Нина был иероглиф Нин, поэтому моего сына зовут Ся Нин.

— Как же это отвратительно... — прошептал Дун Сюань. Голос его был едва слышен. Он скорбно нахмурился и закрыл глаза.

Ся Нин, натура открытая и непосредственная, не понимал всей сложности ситуации. Он был счастлив, что у него появился такой красивый младший брат, и, схватив Дун Сюаня за руку,

затараторил:

— Теперь я твой старший брат, зови меня так!

Я никогда не назову тебя братом! — пронеслось в голове у Дун Сюаня. На его бледном личике читалась обида. Он свирепо уставился на Ся Нина, и в глазах начали скапливаться слёзы.

Ся Нин не придавал этому значения. Он продолжал трясти его за руку и, не глядя на лицо мальчика, спросил отца:

— Пап, а кто он вообще такой? Он пришёл к нам поиграть или будет жить с нами? Ты сказал, что он теперь мой брат, что это значит?

Дун Сюань больше не мог этого выносить. Он развернулся и выбежал из дома.

— Дун Сюань! — Ся Нин бросился за ним. Красивому младшему брату явно было не по себе в новой обстановке, и Ся Нин, внезапно осознавший себя старшим, почувствовал непреодолимое желание защитить его.

В те времена в городах второго эшелона было мало домов с лифтами. Ся Сюаньлань работал учителем китайского языка в средней школе, и квартиру им выделило учебное заведение. Чтобы не утомлять себя подъёмами, он выбрал жильё на третьем этаже.

Дун Сюань, с трудом сдерживая слёзы, сбегал по лестнице. Ся Нин оказался проворнее отца: догнав беглеца, он схватил его за руку.

— Ты куда? — взволнованно спросил он.

Дун Сюань, дрожащими губами, выплюнул:

— Я ненавижу тебя!

Грохот.

Когда Ся Сюаньлань выбежал из квартиры, Дун Сюань уже столкнул Ся Нина с лестницы. Десятилетний Ся Нин, с его детской припухлостью, покатился вниз. Головой он не ударился, но ободрал кожу на руках и ногах. Шорты и футболка не защитили его — локти и колени были в крови.

— Ой, ой... — жалобно простонал Ся Нин, глядя на отца.

Ся Сюаньлань поспешил вниз, подхватил сына на руки и спросил:

— Нин Нин, ты можешь шевелить руками и ногами? Поедем в больницу.

У меня ведь тоже был папа... — Дун Сюань застыл у лестничной клетки, не в силах пошевелиться. Он хмурился, а по щекам текли слёзы.

Как бы он ни ненавидел эту семью, он не ожидал, что действительно толкнёт мальчишку, ровесника себе. Сейчас растерянность перевешивала раскаяние, а руки всё ещё мелко дрожали.

Ся Сюаньлань бросил на Дун Сюаня суровый взгляд, полный упрёка:

— Как ты мог такое совершить!

Дун Сюань испугался. Опустив голову и до боли сжимая края своей одежды, он прошептал:

— Про... прости.

Поскольку Ся Нин был родным сыном, Ся Сюаньлань поспешил с ним в медпункт микрорайона. Когда медсестра начала обрабатывать раны, Ся Нин заголосил так, будто каждое прикосновение было для него смертельной пыткой.

Ся Сюаньлань взял сына за руку и с тяжёлым выражением лица спросил:

— Ты будешь винить Дун Сюаня?

— Конечно! — надулся Ся Нин. — Я сейчас же пойду и задам ему хорошую трёпку!

Ся Сюаньлань нахмурился:

— На самом деле, папа может его понять. У тебя есть отец, а у него нет. Папа Дун Сюаня давно умер, мама в больнице, и хотя ему уже десять, как и тебе, он ни дня не провёл в школе.

Медсестра накладывала повязку на колено, и до самого конца Ся Нин не издал ни звука. Ему по-прежнему было больно, но он забыл о криках — его потрясла судьба Дун Сюаня.

— Как же ему не повезло...

Ся Сюаньлань погладил сына по голове:

— Теперь он будет жить с нами. Я устрою его в школу. Сможешь ли ты, как настоящий старший брат, защищать его?

— Смогу! — Ся Нин был наивным и добрым ребёнком. Несмотря на отсутствие матери, он вырос в заботе отца-учителя и был очень рассудительным мальчиком.

— Ой, беда, — спохватился Ся Сюаньлань. — Если он просто убежал, не потеряется ли он?

Ся Нин тоже заволновался и поторопил медсестру:

— Тётя, скорее! Мой брат ждёт меня дома!

Медсестра улыбнулась:

— Разве тебе ещё не больно?

Ся Нин, который ещё пару минут назад надрывно кричал, с серьёзным видом ударил себя в грудь и с достоинством ответил:

— Я мужчина, чего мне бояться!

Медсестра улыбнулась, закончила перевязку и обратилась к Ся Сюаньланю:

— Учитель Ся, завтра не забудьте прийти на перевязку.

— Спасибо, я понял.

<http://bllate.org/book/21758/2249860>